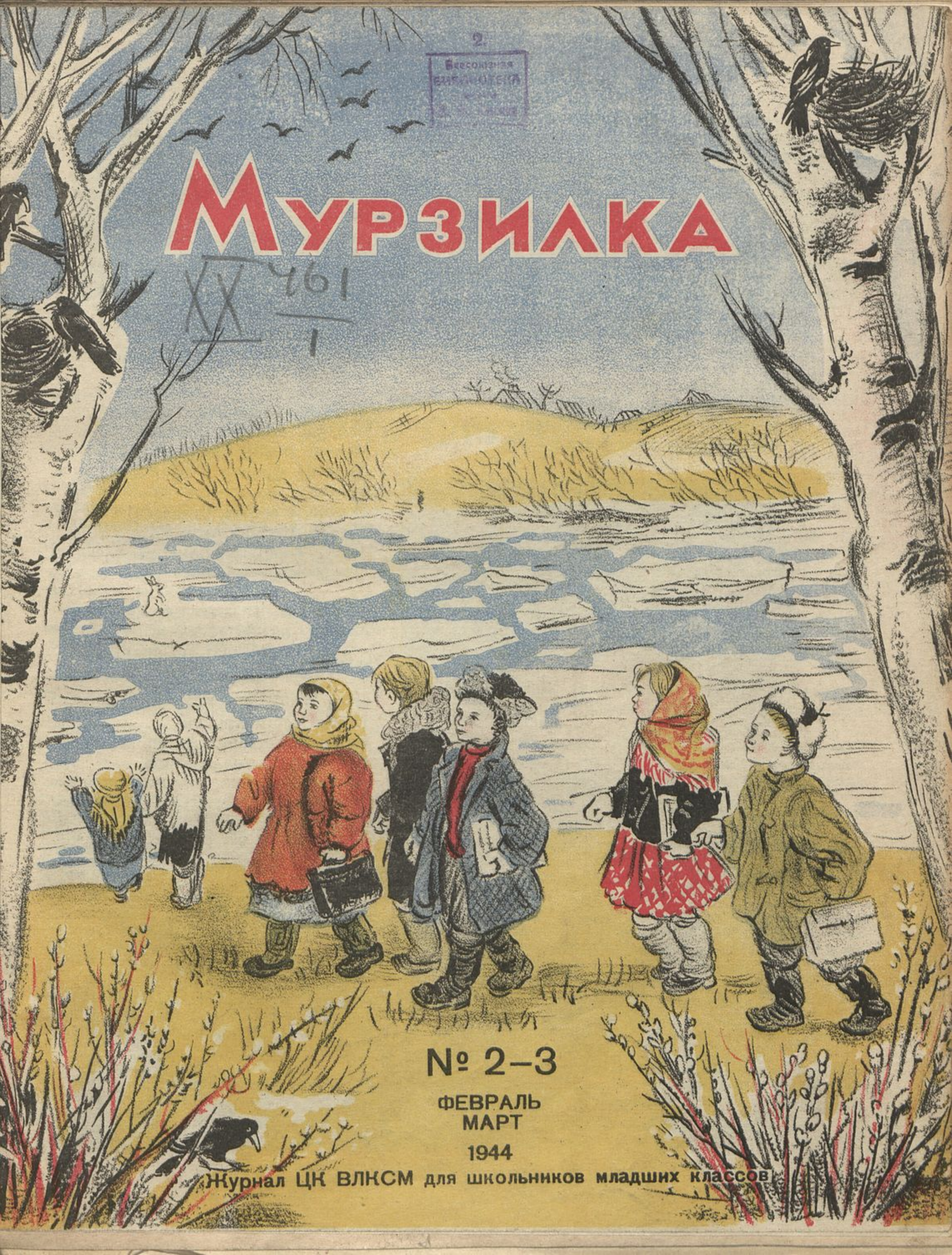

2

БЕСКОЛЛЕКЦИОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
№ 461

МУРЗИЛКА

XX 461
I

№ 2-3

ФЕВРАЛЬ
МАРТ

1944

Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов

ДАРЬЯ ПЕТРОВНА

Дарья Петровна с работы
Поздно приходит домой,
Снимет пальтишко и боты,
Скинёт платок с бахромой.

Быстро обед подогреет,
Супу в тарелку нальёт.
Ходит котёнок за нею,
Чайник на печке поёт.

И в репродукторе старом
Что-то читают, поют.
Всё же открыт он не даром:
Может, объявят салют.

После обеда не спится
Дарье Петровне моей,
В кресло под лампу садится.
Карта лежит перед ней.

Пристально Дарья Петровна
В карту глядит сквозь очки,
Стрелки проводит любовно,
Ставит кружки и значки.

Речицу, Гомель и Киев
Дарья Петровна нашла:
«Вот ведь дела-то какие!
Вот ведь какие дела!»

Вдруг репродуктор затихнет.
Дарья Петровна замрёт,
То побледнеет, то вспыхнет,
Снимет очки и протрёт.

— Дарья Петровна, скажите,
Что вас волнует сейчас?
Может, о ком вы грустите?
Дети на фронте у вас?

Может, с войны, издалёка,
Ждёте от сына вестей?
— Я,—говорит,—одинока,
Нет у меня сыновей.

— Может быть, вы киевлянка?
Может, из Витебска вы?
— Нет,—отвечает гражданка,—
Я—уроженка Москвы.

Жду, чтобы с фронта в столицу
Новые вести пришли,
Чтобы последнего фрица
С нашей прогнали земли.

Наталья КОНЧАЛОВСКАЯ

Всеволод ВОЕВОДИН

Рис. Б. ДЕХТЕРЕВА

ЕСТЬ ТУРУХТАН!

Близ города над степью поднимаются две высоченные мачты. Это радиостанция.

Куропатки бродят возле станции запросто, а в тростниковых зарослях по реке водится величественная птица фазан и в мае, по ночам, на всю степь кричит пронзительным криком, похожим на петушиный.

Перед войной на радиостанции работал инженером Сергей Дмитриевич Трошин. Это был очень хороший инженер и завзятый охотник.

У Трошина был сын Анатолий. Когда мальчику исполнилось семь лет, он получил от отца в подарок настоящее охотничье ружьё.

Трошин был убеждён, что людям, которые любят природу, и живётся легче, и сами они вырастают честней, мужественней и чище душой. Вот для чего он и подарил сыну ко дню его рождения одностволку. Он хотел, чтобы Толя стал охотником, любил и понимал природу.

Но поохотиться как следует им так и не удалось.

Началась война, и Сергей Дмитриевич вместе с другими командирами запаса ушёл на фронт.

Последнюю зиму от него вовсе не было писем, и вдруг пришла открытка из госпиталя.

Капитан Трошин был ранен в руку. В марте он выздоровел и приехал домой. Плечо было покато, одно ниже другого.

— Осторожнее, маленький, — сказал он сыну, который кинулся ему навстречу. — До плеча не дотрагивайся: там у меня ещё сидит осколок.

Нелегко было привыкнуть к его ранению. Например, удивляло, что он не может себе нарезать хлеб, что матери приходится мыть

ему голову, а сам он только может слегка сполоснуть себе лицо одной ладонью.

Ружьё Сергея Дмитриевича, с той поры как он ушёл на фронт, так и висело у него в комнате над диваном. Один раз он его снял с гвоздя, внимательно осмотрел и повесил обратно. Когда вошла в комнату жена, он сделал вид, что совсем даже и не дотрагивался до ружья.

Но вот подошёл апрель, и на реке появились первые перелётные утки.

— Ты как, совсем теперь не можешь стрелять? — спросил отца Толя. — А то сходили бы?

— Прекрати этот глупый разговор, — вмешалась мать. — Не может же папа держать ружьё и целиться всё одной рукой! Господи, Анатолий, какой ты все-таки...

— Да, брат, — пробормотал Сергей Дмитриевич усмехаясь. — Сходи уж один.

А ночи становились всё теплее, и однажды, выйдя после захода солнца на крыльцо, отец и сын услышали далеко в степи пронзительный крик фазана.

В этот вечер Сергей Дмитриевич долго не ложился спать. Левой рукой он держал навывтяжке ружьё, всё прикладывался щекой к ложу, целился то в чернильницу, то в гвоздь на стенке. Жене не нравилось это его занятие, она всё ворчала: «Поздно, Серёжа! Гаси свет, гаси, милый».

В субботу Сергей Дмитриевич сказал Толе:

— Нынче вечером сходим на болото. Там чибисов, говорят, налетело тьма. По чибисам-то и я, пожалуй, не смажу. И Никита Иванович сходит с нами.

Никита Иванович был комендант радиостанции и его всегдашний товарищ, с которым они прежде ездили в предгорья стрелять диких козлов.

Ровно в семь часов они все трое вышли с ружьями в степь. Болотом называлась просто большая лужа, где весной и осенью разливались по степи арыки. Чибисов там, в самом деле, была уйма. Но птицы поднялись все разом, не подпустив охотников на выстрел. Только и было видно, как мелькают над степью их белоснежные подкрылья.

Никита Иванович сказал, что, по его мнению, нужно полчаса обождать, покурить. Может, сядет утка на лужу, может, ещё кто.

В самом деле, не прошло и десяти минут, как над лужей появились два турухтана. Снизившись, они точно повисли в воздухе, часто-часто махая крыльями и чуть ли не до травы уронив свои длинные ноги.

— Стреляй ты, — шепнул Толя отцу. — И вы тоже, Никита Иванович.

Никита Иванович мгновенно взял на мушку одного турухтана. А Сергей Дмитриевич опустился на колени и, держа ружьё в левой руке, долго и неуклюже с непривычки стал целиться в другого. По молчаливому уговору каждый охотник облюбовал себе ту птицу, которая как бы приходилась с его бока. И Толя это тоже понимал.

Выстрелы грянули одновременно. Левый турухтан упал в траву.

— Есть! — крикнул Толя. — Есть турухтан! Это твой, я видел.

Он обежал болото посуху и вернулся, торжествующе размахивая над головой битой птицей. — Есть турухтан! Есть турухтан!

Эти два слова он повторял, как песенку. — Не говори глупостей, — сказал Сергей Дмитриевич, — и отдай птицу тому, кто её застрелил. А нашего турухтана мы убьём в следующий раз.

— Неправда, — продолжал Толя. — Твой этот. Я видел.

У отца вдруг потемнели глаза. Это означало, что он начинает сердиться всерьёз. Мальчику стало трудно делать вид, что он всё ещё рад его удачному выстрелу.

Но итти напятную уже было поздно. Он повторил:

— Я даю слово, что это твой турухтан. Подтвердите, пожалуйста, Никита Иванович.

Вместо ответа, Никита Иванович только тяжело вздохнул и, вскинув на ремень ружьё, зашагал от них напрямик через лужу.

Домой они шли притихшие и возвратились уже в сумерках. Мать встретила их в прихожей. Увидев в руке у Толи подстреленную птицу, она так и вспыхнула.

— Чей?

— Папин, — повторил Толя почти со злобой.

— Они стреляли вместе с Никитой Ивановичем, но этот — папин. Я ж не слепой.

Всё это он говорил, а сам готов был разреваться.

Спать он улёгся рано и слышал, как в кухне отец о чём-то шептался с матерью и мать смеялась. Но смех её был тоже какой-то ненастоящий, вроде его песенки «Есть турухтан! Есть турухтан!» А потом она вошла в комнату и села у него на постели. Она даже не спрашивала, спит ли он: она знала, что не спит.

— Я тебя очень люблю, — сказала она, губами прижавшись к его уху. — Правда, ты хороший. У тебя из-за отца тоже сердце не на месте. Но ты ещё ужасно глупый. Мальчик мой, людей надо жалеть с умом.

— Я думал... — сказал Толя и не мог договорить.

— Знаю, что ты думал, — сказала мать. — Нет, уж ты, пожалуйста, никого так не жалей. И ещё я тебе вот что скажу: отец твой своего добьётся. Он очень настойчивый человек, твой папа... Спи, родной!

Прошла неделя. Радиостанция каждое утро передавала из Москвы всё новые и новые названия освобождённых сёл и городов. Толя перешёл в третий класс с одним «хорошо», а остальное «отлично». Хорошие это были дни.

Про охоту никто больше и не вспоминал: ни сын, ни отец.

И вот опять, когда после захода солнца они как-то пошли на огород, далеко в степи прокричал фазан...

Точно сигналом к наступлению теплой южной ночи прозвучал этот крик. Сразу стали видны

многие звёзды, и вершины снежных гор по краю степи осветились неведомо каким светом.

Толя сказал, прислушиваясь к голосам ночи:

— Хорошо бы заночевать как-нибудь в степи.

— Да, — сказал Сергей Дмитриевич. — Хорошо бы...

На другой вечер отец опять снял со стены ружьё. Но сыну он не позволил идти с ним.

— Не стоит со мной, — сказал он, отводя глаза в сторону. — Я просто так побродить.

Три раза в этот вечер с реки доносились выстрелы. Сергей Дмитриевич домой вернулся затемно, ничего с собой не принёс и ничего не рассказывал.

И он был совсем не весел.

На другой вечер он опять ушёл один, с ружьём. Во дворе Толя встретил Никиту Ивановича. Комендант тоже прислушивался к выстрелам. Их донеслось в разное время два и ещё четыре. Никита Иванович отмечал их всякий раз поднятием пальца и восклицаниями: «Ого! Гляди-ка! Вон какая пошла баталия! Ай, капитан, капитан!»

Но и в этот вечер и в следующий Сергей Дмитриевич возвращался домой пустым и — небывалый случай — даже оставил на ночь своё дорогое ружьё нечищенным.

Толя сам после завтрака вычистил и смазал отцовское ружьё. За это он получил: «Спасибо, голубчик», сказанное очень смущённым голосом. Но в степь отец ушел всё-таки один.

Это уж было слишком.

Мальчик долго сидел на подоконнике, смотрел вслед отцу. Потом соскочил и — в двери.

— Ни в коем случае! — крикнула мать. — Не смей ходить за ним. Ты его только рассердишь.

И в это время совсем близко опять грянул выстрел.

— Мамочка... — сказал Толя.

Он не мог так, сразу, взять и выразить словами то, что он видел мысленно. Вот падает на быстрику подстреленная птица. Собаки у отца нет, и он не может плавать... А может быть, опять промах, и утки уже далеко-далеко! Только и видно: четыре чер-

В освобождённом городе.

ных чёрточки, вода и небо? И вот отец с проклятием отшвырнул от себя ружьё и ничком лёг в траву. Ведь плачут же мужчины? Отец сам рассказывал, что однажды чуть не заплакал, когда его дивизион расстрелял весь боевой запас, а можно было ещё бить, бить и бить...

— Мамочка! Ты только представь себе...

Эти образы проносились у него в голове один за другим. А мать всё говорила, что гордость и вынужденная слабость в человеке—это... Да что уж там! Ему ещё даже не понять, что это такое!

Он не слушал и, как только мать ушла в кухню, выскочил на лестницу.

Как хотите—он больше не мог этого вынести.

Добежать до реки было делом пяти минут. С обрыва он увидел отца, идущего гораздо ниже по течению. Нет, у него ничего не болталось на поясе. Он опять только зря извёл патрон.

Сергей Дмитриевич, в самом деле, стрелял и промахнулся по чирку, который сидел на реке близ самой станции. Но расстояние было порядочное, так что особой обиды из-за этой неудачи он не почувствовал. Тогда он отправился дальше, к заводу, где обычно садились утки.

Их было две на этот раз. И не какие-нибудь, а две большие кряковые утки. Они сидели рядышком на расстоянии от него шагов в двадцать—не больше. На плаву он возьмет их обеих.

Он поднял левой рукой тяжелое ружьё. Рука, это он чувствовал, была твёрдой. Сердце, дыхание—всё в нём точно остановилось.

Но выстрел опоздал.

Что-то зашуршало у Сергея Дмитриевича за спиной, послышался вскрик, и утки взлетели.

Он выстрелил влёт. Передняя утка камнем упала на быстрину, и сразу же её подхватило и завертело.

А в следующий миг кто-то кубарем скатился с берега в реку.

Всё это гораздо длиннее на словах, чем происходило на самом деле. Было так: вскрик, взлёт, выстрел, утка—бултых, и кто-то следом за ней—бултых! Но Сергей Дмитриевич всё понял.

Не думая о том, как же он всё-таки поплывёт, он сам кинулся к реке. Однако ему не пришлось лезть в воду. Дрянью-мальчишка барахтался под самым берегом, и его можно было просто ухватить за рубаху.

— Я не заметил, что они тут сидят. Я не хотел,—бормотал он, когда отец его вытащил.—Я увидел их, когда они уже были в воздухе... Но ты! Влёт!.. Нет, я не могу... Ах, если бы её достать!..

Он дрожал всем телом. Продрогший, мокрый до нитки, он так и льнул к отцу. А отец только расчёсывал пальцами волосы, налипшие на лицо сына, и молча смотрел ему в глаза.

— Хорошо было сработано, товарищ капитан!—донеслось к ним вдруг с противоположного берега.

Никита Иванович, комендант, стоял там по колени в воде, раскачивая подбитой кряквой. Судя по тому, что ружья не было при нём, здесь он оказался по чистой случайности.

— Ну, в добрый час! Держите добычу.

На обратном пути Толя насильно привязал её за лапку к отцовскому поясу. Ты убил—ты и носи. Но около дома он всё-таки побежал вперёд и заколотил кулаками в дверь, чтобы первым вскочить в квартиру.

— Чур, удовольствие пополам! А то у одного—подстреленная утка, а другому и рассказать нечего! Пусть другой хоть расскажет о том, как всё это произошло.

Робин Гуд

Пересказ А. ПОКРОВСКОЙ

Рис. М. БУТРОВОЙ

РОБИН ГУД И КРОШКА ДЖОН

Однажды идёт Робин Гуд по зелёному лесу. Длинный лук за плечами, звонкий рог на цепочке у пояса. Бурный ручей перед ним. Скользкое бревно переброшено вместо моста. Только Робин вступил на бревно, видит — на другом берегу подходит к ручью здоровенный детина великанского роста, с толстой палкой в руках, и вступает на бревно.

Робин ему:

— Эй, куда лезешь? Я проучу тебя, дерзкий!

А детина в ответ:

— Только попробуй! Я сам угощу тебя так, что вовек не забудешь!

— Осёл! — рассердясь, закричал Робин Гуд. — Я прострелю тебе сердце!

— Всякий трус сумеет стрелять, когда у противника только палка в руках, — спокойно промолвил детина.

— Трусом я не бывал! — вскипел Робин Гуд и швырнул свой лук и колчан со стрелами. Он отломал от ближайшего дуба толстый сук. — Давай сразимся на палках, равным оружием.

И, стоя на скользком бревне, принялись они дубинами драться. Только треск пошел по лесу.

Но детина владел палкой лучше, чем Робин, и скоро Робин очутился в ручье.

— Как поживаешь, приятель? — смеётся детина.

— Сижу в ручье, — отвечает Робин и сам над собой хохочет. — А ты, парень, ловко дерёшься! Давай помиримся!

Детина охотно пожал Робину мокрую руку и помог влезть на берег.

А Робин в рог затрубил, и громко раздалось по лесу:

— Тру-ру-руу-р-ууууууу...

Из чащи лесной появились стрелки. Все в зелёных плащах, и луки у всех за плечами. Увидали мокрого Робина и кинулись все на детину.

А Робин кричит:

— Не троньте его — он храбрец! И здорово дубиной дерётся. Хочешь быть нашим товарищем? Нам как раз одного нехватает до сотни.

— Охотно, — сказал великан.
— А как звать тебя?
— Крошкой прозвали меня, Крошка Джон я зовусь.
— Так и окрестим тебя, — сказали они.
Весёлые были крестины! Целый олень был зажарен на вертеле, целую бочку пива выкатил повар.
А плаща и кафтана по росту Крошке у них в кладовой не нашлось. Пришлось новые сшить по особой мерке.

(Продолжение на стр. 10)

Русская ладья

Галера

Фрегат

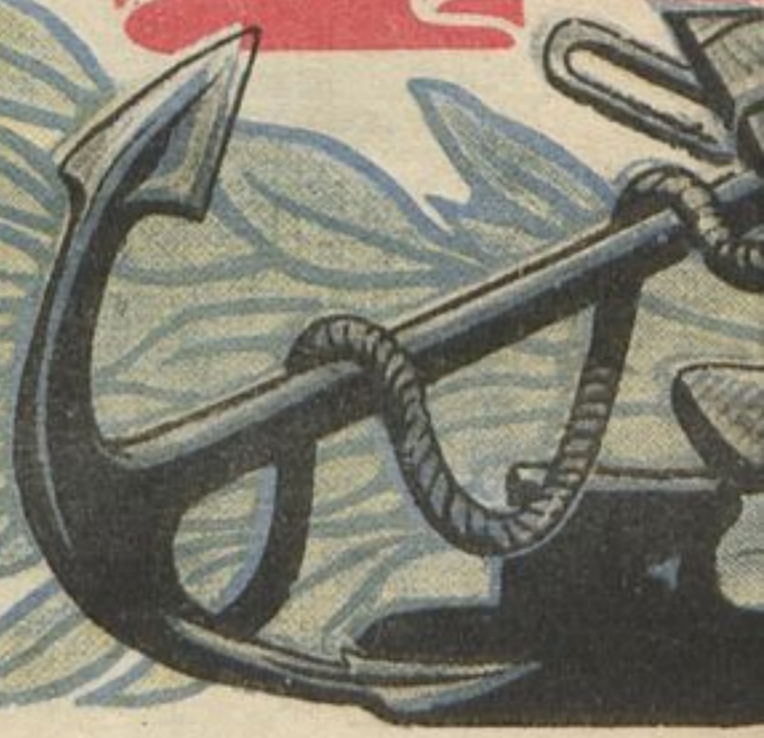
Линейный корабль

Броненосный фрегат

СЛАВА НАШ

Торпедн. катер

Подводная лодка

Эсминец

Линкор „Марат“

Крейсер „Красн. Кавказ“

ему **ФЛОТУ**

Ранним утром в Ноттингэм приехал горшечник и поставил воз на площади, против дома шерифа.

— Вот горшки хороши! Дёшево продаю! Кому надо горшков?

Хозяйки стали подходить к его телеге. Он продавал свой товар за полцены — все торопились купить. Через час не осталось больше горшков. Только пять самых лучших он послал в подарок жене шерифа. Она была очень довольна — сама вышла на площадь поблагодарить за подарок.

— Буду всегда покупать у тебя.

— Лучший товар буду для вас оставлять, — ответил горшечник.

Такой ответ ей понравился, и она позвала горшечника к себе обедать. В дверях его встретил сам шериф. «Милости просим», сказал.

За столом шерифа обедали знатные гости. А хозяйка не погнушалась горшечником: лучшие куски клала ему, сладкое вино в кубок его подливала. Казалось, горшечник был занят только едой. Но он внимательно слушал, о чём за столом говорили, и узнал, что в тот день будут рыцари состязаться в стрельбе из лука и победителю назначен приз в сорок червонцев.

Загорелась душа у горшечника.

После обеда рыцари, взяв луки и стрелы, пошли в поле. И горшечник за ними.

Мишень стояла далеко. Но рыцари стреляли неплохо: каждый попадал в цель. Однако в тот

кружочек, который был в самой середине мишени не вонзилась ни одна стрела.

Тогда горшечник сказал шерифу:

— Позвольте попробовать мне!

Все засмеялись:

— Не мужицкая эта работа. Ты, чай, и лука держать не умеешь!

Для потехи шериф велел дать ему лук.

Горшечник с усмешкой взял луки, не целясь, спустил тетиву. Тетива загудела, запела стрела и вонзилась прямо в кружок, в середину мишени.

— Он случайно попал! — сказал шериф и предложил всем стрелять по второму разу.

И снова никто из рыцарей в кружок не попал.

Последним стрелял горшечник. Чуть прицелился он и опустил тетиву. Тетива загудела, запела стрела и точь-в-точь в то же место вонзилась.

Тогда все зрители закричали:

— Он лучший стрелок!

И шерифу пришлось присудить ему приз.

А горшечник спокойно сказал:

— Был бы со мной мой лук, который мне Робин Гуд подарил, тогда бы стрелял я получше.

Шериф изумился:

— Разве знаешь ты Робина Гуда?

— Сколько раз вместе стреляли, — ответил горшечник.

— Обещаю сотню червонцев тому, кто мне покажет Робина Гуда. Негодяй много мне крови испортил! — воскликнул шериф.

— Ручаюсь своей головой, что завтра утром вы Робина Гуда увидите.

Ночь горшечник проспал в телеге на площади. Чуть стало светать, слуги шерифа разбудили его. Шериф уже собрался в дорогу. Жена вышла его провожать. Горшечник подошёл к ней проститься.

— Примите на память золотое кольцо, дорогая леди!

— Спасибо, любезный горшечник, дай бог тебе счастья!

К полудню они достигли Шервудского леса. Могучие дубы качали зелёными кронами.

— Как хорошо здесь! — промолвил шериф.

А горшечник сказал:

— Узнаю сейчас, далеко ли Робин Гуд, — и в рог затрубил. И со всех сторон вышли из леса молодцы в зелёных плащах.

Крошка Джон увидел пустую телегу.

— Неужели, Робин, ты все горшки распродал?

— А в обмен за горшки я привез к вам в гости шерифа! Пожалуйте, сэр! Я слово сдержал. И сто червонцев мне следует с вас получить!

— Ах, если бы я знал, кто ты, тебе бы не увидеть зелёного леса! — воскликнул шериф.

— Ради вашей доброй жены я вас отпущу живым, сэр шериф, но коня и кошелёк свой вы оставите нам. До Ноттингэма вам пешком прогуляться придётся. Впрочем, нет. Вашей доброй жене за ласку её я хочу подарить коня.

Долго потом жена шерифа вспоминала любезного горшечника и над мужем смеялась.

ТРИ СЫНА СТАРУШКИ

Однажды пошёл Робин Гуд в Ноттингэм. Идёт по дороге, а навстречу ему плетётся старушка и горько-горько рыдает.

— О чём ты, бабушка, плачешь?—спросил её Робин.

— Трёх моих молодых сыновей посадили в тюрьму, и шериф приказал их сегодня повесить.

— Что же они натворили? Убили кого-нибудь, или ограбили, или деревню сожгли?

— Нет! Мои сынки не убийцы, не воры и не поджигатели. В королевском лесу они застрелили оленя — вот в чём их вина.

— Ну, так, бабушка, ты успокойся, не плачь, я их попытаюсь от смерти спасти.

Робин пожал старушке руку и зашагал быстрее.

Близ Ноттингэма ему повстречался старый бродяга в грязных лохмотьях, с сумой за плечами.

— Здравствуй, старина! Что в городе нового?—спросил у него Робин.

— Плохие новости, парень! Трёх молодцов сегодня повесят на площади, — ответил бродяга.

— Вот тебе сорок шиллингов, давай мекяться плащами, — предложил ему Робин.

— Ты, парень, смеёшься! Мой плащ весь в заплатках, а твой совсем новый. За что же ты деньги даёшь? И нехорошо над бедным шутить.

— Мне шутить некогда, бери поскорее деньги! — И Робин сдернул с нищего плащ и суму.

Грязный плащ бродяги был весь в красных, синих и чёрных заплатках, но Робин не постыдился надеть его. Посмеялся над нарядом своим и ещё быстрее зашагал в Ноттингэм.

Когда он вошёл в городские ворота, на улицах толпилось много народу. Все спешили на площадь. Там, против дома шерифа, стояла виселица. А шериф возле дома гордо расхаживал взад и вперёд. Робин сгорбился, словно старик, подошёл к шерифу с низким поклоном:

— Сэр шериф, сколько вы мне заплатите, если сегодня я буду у вас палачом?

Гордый шериф окинул насмешливым взглядом его жалкий наряд.

— Ты получишь новый плащ и тридцать пенсов впридачу.

Нищий от радости перевернулся и привскочил.

— Ловко, старина! Ты, я вижу, парень проворный и дело своё сделать сумеешь, — усмехнулся шериф.

— Нет! Я не палач! И пусть будет проклят тот, кто за такое дело возьмётся! Вот здесь у меня сума для милостыни. А вот в этой — поменьше — рог мой лежит. Его Робин Гуд подарил мне. Послушайте, как он трубит.

И нищий поднёс рог ко рту. Первый раз рог протрубил, и из леса сто пятьдесят молодцов — все в зелёных плащах — на быстрых конях прискакали.

Рог затрубил во второй раз — в городские ворота въехали всадники.

В третий раз рог протрубил — площадь кругом они оцепили.

— Что это значит? — закричал шериф. Но

его уже схватили. И жестокий шериф был повешен.

Потом стрелки Робина Гуда отперли двери тюрьмы, освободили троих сыновей старушки и вместе с ними вернулись в Шервудский лес. И снова загудели тетивы на их луках, и стрелы запели, и музыка эта казалась им самой приятной.

В ГОСТЯХ У РАНЕННЫХ БОЙЦОВ

С маленькой книжечкой подмышкой шёл Серёжа в госпиталь. Светило солнце, и начинал уже таять снег. Все ленинградцы прислушивались к капели и улыбались. Это кончалась трудная, холодная зима. Люди смотрели на солнце, и всем становилось весело. «А снегу-то конец пришёл,—говорили друг другу на улице незнакомые прохожие.—Поздравляю!»

Серёже тоже было весело глядеть на весну, он тоже говорил «снегу-то конец», а потом вдруг ёкало сердце: он боялся остаться в палате с ранеными. Серёжа никогда не был в больнице, и теперь ему было страшно. Он думал, что раненые будут стонать, что у них страшные лица и страшные глаза, что им совсем не хочется видеть его, Серёжу.

Чем ближе был госпиталь, тем медленнее шёл теперь Серёжа—для храбрости. Вот и серое здание—госпиталь. Серёжа отдал пальто на вешалку, а ему дали большой, на взрослого, халат с печатями. На лестнице ничем не пахло, и было вовсе не страшно: лестница, как лестница, коридор, как коридор. Всё это было не похоже на то, что Серёжа ожидал увидеть. Он помедлил перед дверью в палату, а потом разом нажал ручку и открыл дверь. В палате было человек двадцать, все под одинаковыми одеялами и в одинаковых рубашках. Лица у раненых были спокойные и на вид даже очень здоровые, даром, что у многих были забинтованы руки или ноги.

Серёжа с порога сказал:

— Здравствуйте! Я пришёл к вам очень интересную книгу читать.

Бойцы с ним приветливо поздоровались, а один раненый посмотрел на Серёжу и сказал:

— Иди сюда, я тебе рукава немного укорочу, а то утонешь.

Серёжа сел к нему на кровать, и раненый боец ловко подвернул ему рукава халата.

— Так лучше будет, а то ты такой, а халат вот та-акой.—И боец рассмеялся.

Серёжа посмотрел на весёлого бойца, на светлые солнечные квадраты на полу и перестал бояться.

Он сел на стул посередине палаты и громко стал читать. Все внимательно слушали. Когда Серёжа прочитал всю книжечку про то, как один человек на необитаемом острове очутился, а друзья его нашли, на корабле отвезли на родину и спасли от смерти, все закричали: «Хороший рассказ! Это про наш Ленинград написано. Наш город в беду попал, а друзья его выручили!»

Серёжа совсем осмелел и говорит:

— А теперь я прочту стихотворение, которое вчера сам сочинил.

Все захолопали.

ПИСЬМО С ФРОНТА

Папа, друг сердечный мой,
Возвратишься ль ты домой?
Может, ты лежишь в больнице,
Может, бьёшь немецких фрицев?
Если бьёшь немецких фрицев,
Так уж бей их посильней.
Если ты лежишь в больнице,
Выздоровливай скорей.

Серёжино стихотворение всем понравилось, и его хвалили, а раненый боец, который Серёже поправил рукава халата, говорит:

— Я тоже стихами говорить умею: «Буду бить врага, когда пройдет нога».

— Хорошо!—сказали все.

— «Хорошо, когда немец ушел»—говорят в нашей деревне.

— Давайте стихами говорить!—крикнул Серёжа.

— Твоя очередь!—закричали ему.

— «Мне охота в морскую пехоту». И это правда,—сказал Серёжа.—У меня друг есть Гриша. Он—краснофлотец. Его корабль вон из этого окна видно, посмотрите.

Несколько бойцов встали и подошли к окну посмотреть на Гришин корабль на Неве.

— «Если Гриша и на крыше, все равно я выше Гриши». Угадай, почему?—спросил Серёжу боец с самой далёкой койки и прищурил один глаз.

¹ Это стихотворение написал один ленинградский мальчик.

— Угадал,—обрадовался Серёжа.—По-
тому что вы—лётчик.

Все увлеклись этой игрой и забыли, что
кричат чуть ли не во всё горло. А лёт-
чик с самой дальней койки придумал сти-
хотворение про петуха и громко закука-
рекал.

Вошла сестра и говорит:

— Как же так! Почему вы кричите и
кукарекаете? Шум на весь госпиталь! У вас
повысится температура, вы же—больные.

— Не сердитесь, сестрица. Этого не
случится.

— «Не сердитесь»,—передразнила се-
стра.—Мне попадёт и вам попадёт, а
больше всех вот этому молодому человеку.

Сестра показала пальцем на Серёжу.

— Чтоб сейчас же попрощаться и ухо-
дить!

Серёжа пожал всем руки. Неохота ему
было уходить. Бойцы хлопали его по пле-
чу, благодарили и звали приходить ещё.

— До свиданья, друзья, подгоняют ме-
ня,—сказал уже в дверях Серёжа.

Он ушёл из госпиталя весёлый и счаст-
ливый.

«Хорошие люди лежат в палате номер
три. Обязательно приду, когда не будет
дежурить эта сердитая сестра», думал он
и поддевал ногой мокрые сосульки.

Со всех подоконников текло. Снег ле-
жал рыжий, весенний. Серёже даже по-
казалось, что чирикают воробьи на сол-
нышке.

СКОРОГОВОРКИ

Н. КОНЧАЛОВСКАЯ

Рис. М.БУТРОВОЙ

Променяла Парасковья карася
На три пары чистокровных поросят.
Пробежали поросята по росе,
Простудились поросята, да не все.

Собирала Маргарита
Маргаритки на горе.
Растеряла Маргарита
Маргаритки на дворе.

Рис. А. ДЕНЬШИНА

ОЛЕНЬ «ЗОЛОТЫЕ РОГА»

Скакал олень по горам и долам, гордился перед всеми своей красотой — золотыми рогами, не боялся никого. Наскочил вдруг он на охотника с собакой, видит — смерть неминуемая, и взмолился: «Не бей ты меня, охотничек! Покажу тебе богатство несметное в горах, где никто не бывал». А охотник был

жадный и глупый — глаза у него разгорелись на оленьи рога золотые, натравил на оленя собаку, застрелил его. Свалился олень мёртвый. Охотник режет скорее рога золотые. Кровь потекла из рогов, потускнели рога и стали не золотые, а простые. Не досталось жадному ни рогов золотых, ни богатства несметного.

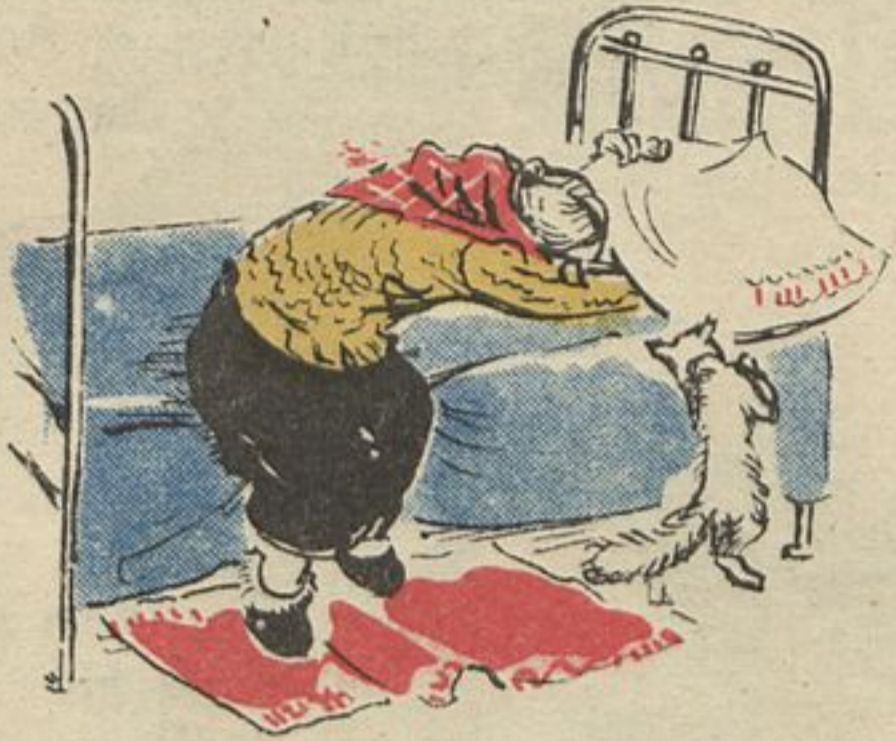

МИШКА-ПРОКАЗНИК

Маленький Мишка бросился к реке, сел в лодочку, поставил для забавы ёлочку, позвал птичку-певичку песни петь и свистеть на пути. Взял весло, размахнулся. Птичка весело зачирикала. Раз-два! Махнул Мишка веслом — сшиб ёлочку, упало весло в воду. Птичка от страха вспорхнула и улетела. Медвежонок потянулся за веслом и — кувырк в воду вниз головой. Еле-еле до берега добрался.

Прибежала мать и отшлёпала проказника, чтобы впредь не брался за людские забавы.

Сергей МИХАЛКОВ

ГДЕ БЫЛИ ОЧКИ?

— Что стряслось у тёти Вали?
— У неё очки пропали!
Ищет бедная старушка
За подушкой, под подушкой.

С головою залезала
Под матрац, под одеяло.
Заглянула в вёдра, в кринки,
В боты, в валенки, в ботинки.

Всё вверх дном перевернула,
Посидела, отдохнула,
Повздыхала, поворчала
И пошла искать сначала.

Снова шарит под подушкой,
Снова ищет за кадушкой,
Засветила в кухне свечку,
Со свечой полезла в печку,

Обыскала кладовую, —
Всё напрасно! Всё впустую!
Нет очков у тёти Вали!
Очевидно, их украли.

На сундук старушка села.
Рядом зеркало висело.
И старушка увидала,
Что не там очки искала,

Что они на самом деле
На её носу сидели...
Так чудесное стекло
Тёте Вале помогло!..

— Смирно!—скомандовал Иван Вопросович.—Равняйтесь! Смирно! Стоять вольно! Сегодня—контрольные занятия по военному делу. Вот все вы рвётесь на войну. Всем хочется ходить в разведку, взрывать вражеские склады, пускать под откос вражеские поезда, бомбить врага с самолёта

и давить его танками. Ведь правда? Знаю я, это хорошее желание—быть бойцом. Но надо быть умелым и хорошим бойцом. Боец должен быть очень наблюдателен, внимателен к мелочам, сообразителен. Вот мы сейчас и проверим, есть ли у вас эти важные качества.

В партизанский отряд пришёл человек. Он сообщил, что зовут его Семён Рубцов, что он колхозник и бежал от немцев. Он обещал провести партизан к большим складам боеприпасов. Одет он был по-деревенски и хорошо говорил по-русски. Командир отряда оставил его пере-

ЗАДАЧА ПЕРВАЯ

Рассмотрите картинку и скажите: как партизаны обнаружили шпиона?

ночевать и сам велел бойцам тихонько наблюдать за Рубцовым и проверить, что он за человек. Никто не заметил ничего подозрительного за весь день. Но когда стали готовить ужин, обнаружилось, что Рубцов не русский.

Его уличили, и он сознался, что он шпион.

ЗАДАЧА ВТОРАЯ

Партизаны-разведчики обнаружили немецкий грузовик, застрявший в снегу, и возле него группу немцев. Разведчиков было всего двое, но они решили захватить грузовик. Надо было подобраться незаметно к немцам и тогда неожиданно напасть на них. Но как

подобраться? Место было открытое, снег всюду, а маскировочных халатов у партизан не было.

— А ну-ка, я попробую одну штуку. Может, удастся,—сказал Тимофей Строгов.

Партизанам удалось захватить грузовик.

Что же придумал Тимофей Строгов и как ухитрился подобраться незаметно к немцам? Кто догадался, тот вместо ответа пусть нарисует картинку, как Тимофей Строгов подкрадывается к немцам, и пришлёт картинку нам.

9 - май 1944